

Б. Дубин

Политика и культура сегодня

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dubin_49.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

*Борис Дубин,
руководитель отдела
социально-политических
исследований
Левада-Центра*

Политика и культура сегодня

Внутреннее побуждение к рассмотрению взаимосвязи российской политики и социально-культурной сферы — глубокая неудовлетворенность тем, как эта проблематика описывается в официальных и официозных средствах массовой информации, а также в ходе дискуссий, выступлений, которые вроде бы противоположны в этом смысле официозу. Проблемные области, которые я считаю важными рассмотреть, можно свести к четырем-пяти.

Первая — это стабильность социального и политического порядка. Вторая — вертикаль и концентрация власти. Третья — возвращение советского, эффект дежавю. Четвертая — деполитизация социальной и политической сферы, а также связанная с нею, может быть, пятая сфера — это уход людей в частную жизнь.

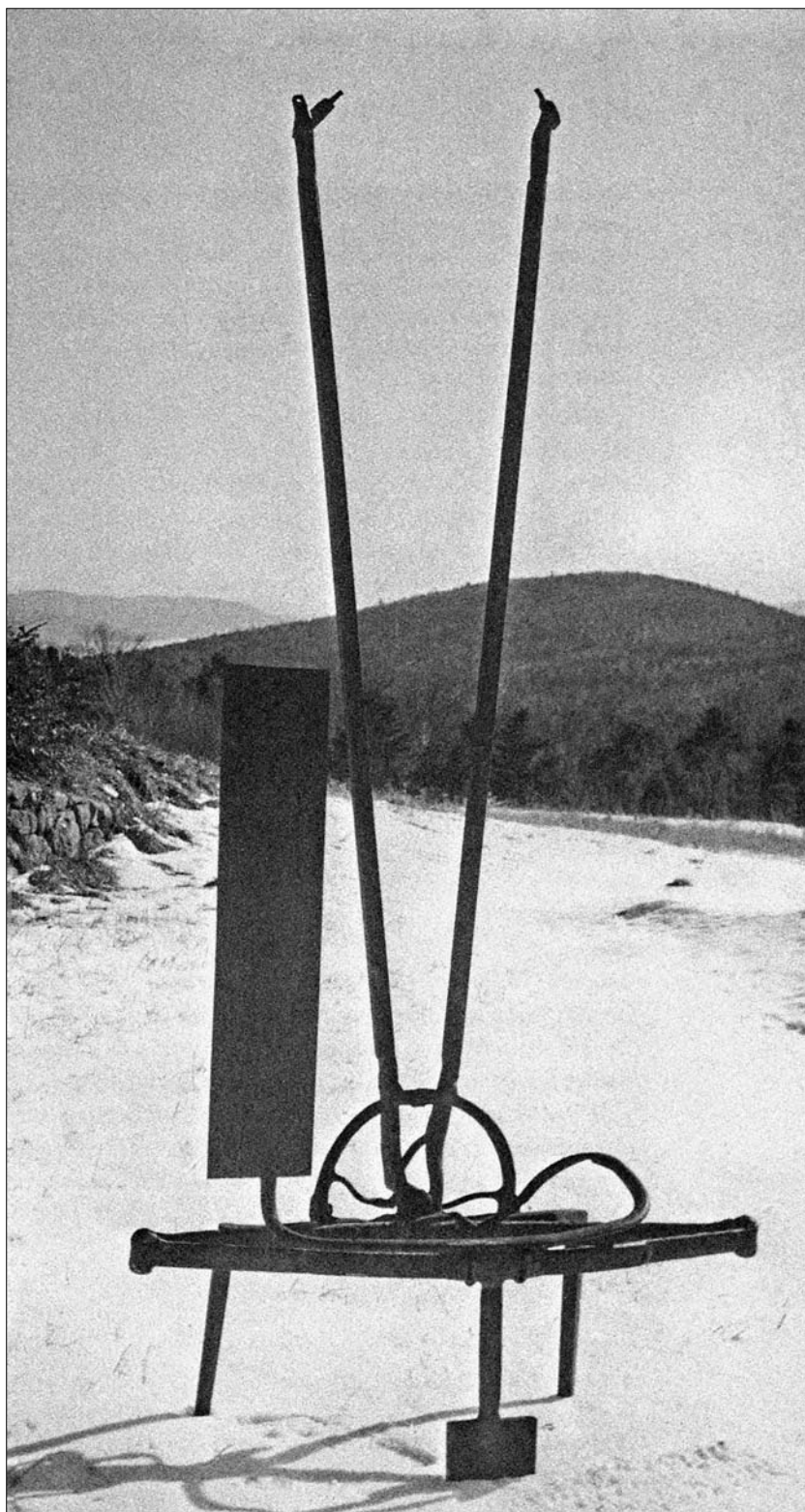
В своих суждениях я опираюсь на огромный массив эмпирических данных, которые имеются в распоряжении нашего Центра, они публиковались и публикуются в журнале «Вестник общественного мнения», но я не стану злоупотреблять конкретными цифрами, они могут иногда затруднять понимание логического анализа.

Итак, первое — политическая сфера. Как можно описать происходящее в ней с социологической точки зрения? Если говорить очень коротко, область политического за 2000-е годы была сведена к сфере власти, а власть — к кремлевской власти. Все, что находится или, точнее, было выведено за границы этого процесса, как бы теряется в средствах массовой коммуникации и почти не присутствует в общественном мнении на уровне общества в целом. Общественное мнение формируется сегодня почти исключительно телевидением, прежде всего первых двух каналов, которые, как мы знаем, либо чисто государственные, либо по сути государственные, как бы официально ни объявлялась их принадлежность. Но это слишком общая характеристика того, что произошло. Гораздо важнее другое. Прежде всего это изменения в самопонимании и идентификации массы населения. Какие характеристики за последние годы,

или, как их часто называют, нулевые, стали заметно более значимыми и выступили на первый план? Отмечу два момента. Во-первых, в конструкции коллективной идентичности «мы, россияне» стала главной земля, на которой мы живем, наша территория. И другой важнейшей характеристикой выступает прошлое, отношение к нему. Это две опоры, на которых держится наша коллективная идентичность. В сравнении с тем, что было, скажем, 10–15 лет назад, доля людей, которые ощущают себя советскими людьми, снижается постоянно, и сегодня это характерно лишь для нескольких процентов населения, в большинстве своем сосредоточенного в старших возрастных группах, отодвинутых на социальную и географическую периферию.

Вторая проблемная область – вертикаль власти. Какова бы ни была на этот счет риторика первых лиц государства, а также «говорящих голов», которые их обслуживают, официальных и официозных каналов информации, мы, социологи, наблюдаем не сосредоточение власти, а, напротив, скажем так, ее рассеяние. То есть для последних лет характерно не укрепление власти, а, напротив, все большая потеря управляемости. Это связано как с механизмами передачи властных сигналов, так и с состоянием умов тех, кто принимает решения. Все меньше и меньше в этом процессе и его результатах присутствуют идеи, еще меньше — программы, еще меньше — убедительные стратегии, и все больше — решения *ad hoc*, рассчитанные на короткое время, адаптация к конкретным событиям. При этом принятые решения по мере движения от вершины властной вертикали растворяются среди множества инстанций, чьи действия очень плохо согласуются друг с другом. Можно назвать эту ситуацию нарастанием хаоса, но даже не это сейчас главное. Важнее другое: ситуация неопределенности, судя по всему, весьма удобна для большинства нынешних властных структур и политических деятелей на разных уровнях власти. В известном смысле она хороша и для массы населения, которое может лавировать между различными инстанциями, принимающими решения и осуществляющими власть.

Каковы последствия рассеяния власти и установки на адаптацию? Идет процесс социальной фрагментации, дробления общества. Оно дробится и по вертикали власти, и на уровне горизонтальных отношений, которые все больше сводятся для россиян к связям в ближайшем круге родных людей. Даже не знакомых, не друзей, не коллег, а именно кровных родственников. Это так называемые аскриптивные (приписанные) отношения, которые в принципе не ориентированы на развитие и улучшение, так как предполагают только простое воспроизводство и сохранение статус-кво. Из адаптации логически следует фрагментация. Из фрагментации следует очень высокая роль процессов, связанных с демаркацией своей территории. И на уровне массы, и на уровне власти, и на уровне элит. Можно сказать, что более или менее осмысленные действия, которые предпринимают все в таких обстоятельствах, — обозначение своей территории и защита ее всеми возможными средствами. А это значит (следующий логический шаг), что мы имеем дело с процессом развивающейся изоляции частей, на которые фрагментируется целое. И это не только изоляция

Дэвид Смит. Пять источников. 1956

каждой отдельной части — семейного обихода, данной территории, сельской или городской, но это самоизоляция всей России, изоляция ее от большого мира.

Эти процессы последних лет легко наблюдать по данным наших опросов. Они показывают, в частности, что отношение россиян к Западу и западной культуре, к странам, которые лежат вокруг, к ближайшему зарубежью, к Соединенным Штатам Америки ухудшалось в последние три-четыре года, и сейчас оно худшее за все 20 лет, что мы занимаемся опросами общественного мнения. В принципе, сегодня у России хоть в какой-то мере союзники — Белоруссия и Казахстан (да и то отношения Белоруссии с Россией и массовые оценки этих отношений за последний год заметно ухудшились). Преобладающая часть населения числит среди непримиримых врагов России страны Балтии, Украину, Грузию, США, в меньшей мере, но тоже заметно — Польшу.

С процессом самоизоляции глубоко связана — и это следующий проблемный пункт, который позволит перейти к проблемам культуры, — такая картина мира, которая сложилась и укоренилась на протяжении «нулевых» годов в сознании населения, в сознании элиты, в сознании власти, которую я бы назвал старой поэтической метафорой «зеркало в зеркале». Я последовательно полемизирую с представлением о том, что мы живем сегодня будто бы во втором Советском Союзе. Будто бы наблюдаем эффект дежавю, возвращение советского. Мне кажется, ситуация гораздо сложнее. Советское в этой конструкции не является реальностью, к которой идет отсылка из собственной памяти, из собственного опыта, через обращение к каким-то историческим источникам и так далее. Советское — это очень интересный индуцированный виртуальный объект. Это способ смотреть на себя через специально придуманное мысленное зеркало, которое называется «советское». В нем мы, живущие сегодня, предстаем как бы лучше, чем мы есть на самом деле.

Этим восстанавливается разорванная связь времен. Ведь были, как известно, вполне осмысленные попытки ее разорвать — в конце 80-х — начале 90-х годов. А именно — отказ раннего Ельцина наследовать «советское» — экономическое, политическое, идеологическое, культурное и т.д. Тогда как в 2000-е годы мысленно эта связь времен восстановлена, и «мы» теперь сознаем себя наследниками советского. Поскольку те страхи, тревоги, неудовлетворенность, напряженность, которые в 90-е годы объяснялись потерей связи с советским опытом, как бы компенсированы и через воображаемый объект «советское», воспринимая его зеркальное отражение, мы успокаиваемся. А с другой стороны, через отражение в этом советском устраняются из коллективного сознания и определенные черты уже современной реальности. В частности, то, что связано с ограничением свобод, с чисто выставочным характером демократических институтов, с чрезвычайным упрощением и «уплощением» социальной и политической жизни. Таким образом, связь с, условно говоря, прошлым устанавливается через лицемерие зеркала в зеркале, через двойное отражение, в результате чего мир с самими собой, нынешняя реальность кажется вроде бы лучше, стабильнее, чем она есть на самом деле.

Промежуточный итог моих размышлений: мне представляется, что мы имеем дело в этом случае не с концентрацией политической власти, а, напротив, с рассеянными, слабыми формами политического, когда оно перестает быть мобилизационным и становится чем-то другим. Не случайно многие в России, включая исследователей, не узнают этого нового, непривычного для них политического и предпочитают говорить о деполитизации. Хотя, на мой взгляд, политика есть, и ее даже больше, чем было раньше, но она присутствует, говоря на языке социологической теории, в новых, отличных от классических, формах, предполагающих политическую мобилизацию, социальные движения, наличие политических институтов и т.д., она ушла в другие сферы. Произошло превращение российского социума из сообщества участников, или хотя бы их относительного участия в тех или иных социальных и политических действиях, в общество исключительно зрителей, в лучшем случае, болельщиков, подобных тем, что смотрят спортивные состязания по телевизору. Когда сколь бы ни были велики страсти, возможность их воздействия на ситуацию фактически нулевая. Правда, важно, что они хотя бы объединены неким общим интересом.

Таким образом, с одной стороны, происходит переход общества на стадию зрителей, а с другой стороны, если так можно выразиться, «церемониализация» политической власти. То есть сфера политики все больше становится сферой политического церемониала, поскольку население России отделено от реальной политики, которая, конечно, есть, только она делается за кулисами, и мы о ней ничего не знаем. Не знаем мы, не знают журналисты, которые «сливают» какую-то политическую информацию через «желтую» прессу или официальные телевизионные каналы, но политика, которую нам предъявляют, — это политика политических церемониалов одного типа: лицецерения власти и ритуалов символической солидарности с властью. Отсюда чрезвычайно заинтересованное и ревнивое отношение сегодняшней власти к сфере массовых коммуникаций, прежде всего к телевидению. Власть понимает, насколько она завязана сегодня на телевизор. Ведь от того, как ее показывают по телевизору, зависит в конечном счете, как к ней относится население. Поэтому я считаю, что телевизионная политика сегодня — это политика власти, рассчитанная на то, чтобы превратить людей в общество зрителей, это политика деполитизации масс населения.

Нельзя не заметить, однако, как то здесь, то там возникают протесты по поводу какого-то конкретного действия власти или иного политического лица. Но эти точечные протесты не системны, они никогда не сливаются в некое движение, не обладают лидерами, программами и механизмами повышения своей силы и собственного воспроизводства. Эти действия всегда реактивны и через некоторое время оказываются вытесненными из области чьего бы то ни было внимания.

И последний важный для меня пункт, который развивает предыдущий, — видоизменение форм политического, он связан с производством символических образцов, ценностей, композиций этих ценностей, форм поведения, форм мысли, форм чувства, которые проявля-

ются в культуре. В ситуации, когда официальная политика доминирует, а общество выключено из формирования политической повестки дня, сферы, казалось бы, максимально удаленные от политики, прежде всего сфера частного, повседневного, нагружаются политическим смыслом, и частное становится политическим. Поясню, что имеется в виду.

Есть такая авангардная американка, кинорежиссер Сью Фридрих, которая в одном из своих интервью интересно ответила на вопрос, почему она все время снимает про семью, про личные отношения? Ча-

ще всего это отношения «мать — дочь» или «возлюбленный — возлюбленная», или даже «возлюбленная — возлюбленная», однополюсные отношения, ведь это, мол, всего лишь индивидуальные моменты, лишь personal. Она сказала так: «Personal is political now» — «Сегодня частное — это политическое». То есть отстаивание прав частного в такой ситуации, если говорить о России, когда политика просачивается всюду, не оставляя тебе никакого места, кроме маргинального, исчезающего завтра же, превращает частное в политическое. Или, другими словами, поскольку речь идет о культуре, наше сегодняшнее кино, изобразительное искусство, сегодняшний театр, сегодняшняя литература (я имею в виду поисковое искусство) сосредоточены на проблематике частного как политического. А фоном для этого искусства и его работы с частным являются и доминируют в культуре гламур, глянец, глянецовые журналы, глянецовое телевидение. Поэтому можно говорить, на мой взгляд, об официальной политике как о глянцево-политике.

Чем важно обращение поискового или критического искусства к частному? Что такое частное в этих условиях? Во-первых, и это совершенно понятно, частное выталкивается из сферы рассмотрения как неважное или непристойное. Во-вторых, в условиях, когда россияне все больше определяют себя через ближайший родственный круг, через территорию, на которой они живут, частное выступает тем не менее универсальным, общечеловеческим и даже как бы более чем человеческим, почти природным. Не зря в этом искусстве и в этой культуре так важна тема искаленной природы. Любой: и природы человека, и экологической среды, и животных. Речь в данном случае идет о том всеобщем человеческом, которое составляет «слепое пятно» современной гламурной политики и гламурной культуры. В гламурной политике, а уж тем более в гламурной культуре, у человека не должно быть складок на лице, это исключено, у него не может быть морщин, не может быть складок на одежде, если они не задуманы дизайнером и если это не специальный бренд. Поисковое же искусство и культура предпочитают смотреть на лица, которые с морщинами, на одежды, которые помяты и не отглажены специаль-

Я считаю, что телевизионная политика сегодня — это политика власти, рассчитанная на то, чтобы превратить людей в общество зрителей, это политика деполитизации масс населения

но для нынешнего дня, какими очень хотели бы, кстати, в официальной культуре видеть отечественную историю, — без тех черных, красных и всяких других пятен, которыми она изобилует.

В-третьих: чем важно и чем становится в этих условиях частное. Частное — это не героическое. Героическое советское, «когда героем становится любой» или «в жизни всегда есть место подвигу». Частное же в этом смысле не героично, оно слабое, хрупкое. Из героической культуры хрупкое вытесняется как слабое, тогда как в культуре частного — оберегается, и это возможность для нового объединения и солидарности людей в непривычных для нас формах, в том числе — политических.

И к тому же частное, как уже сказано, в противоположность гламурному выступает как всеобщее, в смысле, человеческое, но не тотальное, оно не претендует на то, чтобы быть всеохватывающим и составляющим некий монолит. Напротив, оно всегда подчеркивает свой фрагментарный характер, не скрывает, а подчеркивает его, и в этом как бы находит новую силу — в своей слабости.

Частное никого не представляет. Люди привыкли относиться к сферам политического как к сферам репрезентативным, где та или иная партия, те или иные лидеры, те или иные институты выступают как представительские по отношению к большим массам населения. Частное же выступает как нерепрезентативное, оно представляет только себя и отстаивает право на самостоятельность, автономию, самодостаточность. И последнее. Частное нельзя церемониализировать, его нельзя повторить, как повторяются парады, салюты и так далее. Его нужно делать здесь и сейчас.

И в заключение. Как социолог, я думаю, если проблематика социального и проблематика политического спустилась на уровень частного и повседневного, то в некотором смысле процесс разложения советского, который составлял, по сути дела, и рамку, и структуру всего послесоветского существования, дошел до дна. Частное и повседневное есть некое своеобразное дно социального и политического. Поэтому я думаю, что в культурном плане, но и в политическом тоже, очень может быть, что (не знаю, какими единицами здесь измеряется время — месяцами, годами, может быть, десятилетиями) мы находимся накануне некоего перехода, очень серьезного изменения, и то, о чем я говорил, есть симптоматика не застоя, а именно возможность перехода или выхода в иное измерение. Будет ли реализована эта возможность, кем, в каких формах — сказать трудно, но аналитические материалы говорят о том, что этот переход логически просматривается. Конечно, мы живем в России, и в этом смысле феномены того или иного перехода у нас — это всегда не столько процесс, сколько состояние. Как российский ремонт, который не приводит к какому-то другому состоянию, он просто идет и идет, мы все время что-то ремонтируем. Это переходное состояние может быть не динамической характеристикой, а наоборот, характеристикой чего-то повторяющегося. Когда состояния накапливаются и появляется возможность выйти из круга повторений. Какие-то намеки на этот счет я и хотел показать.